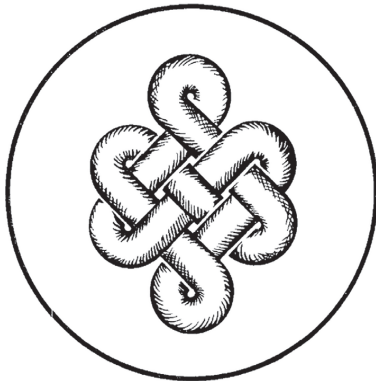

ПАДМАСАМБХАВА

ਨਪਰਿਠਨਟਕੁਨਜ਼
ਕੁਨਪਣੁ
ਮਠੁਨਾਭਿਯਾ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ԿՍՏՈՒ»

ЕРЕВАН - МОСКВА, 2024

ББК 86.4

УДК 133

Падмасамбхава

Тибетская Книга Мертвых: – «ԿՍՈՒ». 2024. - 307 с.

Чего именно боится человек, сталкиваясь с неизбежностью смерти? Возможно, это страх перед неизвестностью? «Тибетская книга мёртвых» (Бардо Тхёдол), одно из самых известных произведений буддизма, исследованное и прокомментированное самим Карлом Густавом Юнгом, предлагает ответы на эти вопросы. Текст помогает понять, как принять процесс умирания с внутренним спокойствием и осознать, что происходит с душой после смерти.

Как оставаться невозмутимым в момент перехода? Как распознать своё истинное «я» в посмертной реальности? Почему размышления о конце жизни открывают путь к свободе от страха и способствуют духовному и эмоциональному исцелению?

Смерть и всё, что с ней связано, всегда остаются ключевыми темами человеческого существования. Благодаря своей глубине и универсальности, «Тибетская книга мёртвых», созданная, согласно преданию, в VIII веке, продолжает вдохновлять читателей, оставаясь актуальной и сегодня.

Также данное издание включает в себя комментарии Чо-гьяма Тургпы и Франчески Фримантл.

Издательство «ԿՍՈՒ»

Ереван - Москва

2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К. Г. ЮНГА

– 5 –

ТИБЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

КНИГА I

ЧИГАЙ БАРДО И ЧЕНИД БАРДО

– 27 –

КНИГА II

СИДПА БАРДО

– 103 –

ТИБЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

С КОММЕНТАРИЯМИ

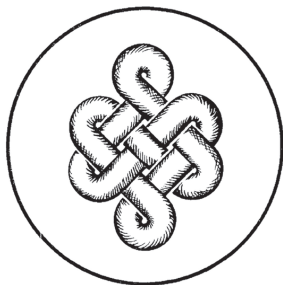
ФРАНЧЕСКИ ФРИМАНТЛ И ЧОГЬЯМА ТРУНГПЫ

– 157 –

СЛОВАРЬ САНСКРИТСКИХ ТЕРМИНОВ

– 303 –

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К. Г. ЮНГА*

Прежде чем приступить к комментарию, необходимо сказать несколько слов о самой книге. «Тибетская Книга мертвых» («Бардо Тедол») – это сборник наставлений, предназначенных умирающему и умершему. Подобно «Египетской книге мертвых», она служит путеводителем по области *Бардо*, символически представленной как промежуточное состояние между смертью и новым рождением продолжительностью в 49 дней. Книга состоит из трех частей. В первой («Чигаи Бардо») описаны психические явления в момент смерти; во второй («Ченид Бардо») – состояние сразу после смерти и так называемые «кармические видения»; в третьей («Сидпа Бардо») – возникновение инстинкта рождения и явления, предшествующие новому рождению. Согласно «Книге мертвых» высшая степень понимания и просветления, а значит – максимальная возможность освобождения – достигается человеком в момент смерти. Вскоре после нее возникают «видения», которые в конечном итоге приводят к новому рождению, причем

* Перевод из книги «Собрание сочинений К. Юнга, том 11: Психология и религия: Запад и Восток» (Collected Works of C. G. Jung, Volume 11: Psychology and Religion: West and East).

изначальный ослепительный свет постепенно тускнеет и дробится, а видения становятся все более жуткими. Такое нисхождение поясняет отчуждение сознания от освобождающей истины по мере приближения к моменту физического рождения. Наставления «Книги мертвых», которые лама читает над мертвым телом, предназначены для того, чтобы на каждом этапе новых иллюзий и заблуждений напоминать умершему о постоянной возможности освобождения и объяснять природу его видений.

«Бардо Тедол», появившаяся в англоязычных странах в 1927 году и удачно названная ее издателем В. Эванс-Вентцем «Тибетской Книгой мертвых», вызвала настоящую сенсацию. Она принадлежит к разряду тех книг, которые представляют интерес не только для специалистов-буддологов; своей человечностью и глубоким проникновением в тайны человеческой души она особо привлекает внимание непрофессионала, жаждущего расширить свои знания о жизни. Со времени появления в Европе «Книга мертвых» была моим постоянным спутником – ей я обязан не только важными идеями и открытиями, но и своими глубочайшими прозрениями. В отличие от «Египетской книги мертвых», которая говорит одновременно слишком много и слишком мало, «Бардо Тедол» представляет собой вполне уместное учение, имеющее в виду не богов или дикарей, а самых обычных людей. И «гневные», и «мирные» божества понимаются в нем как сансарические проекции человеческой души, что просвещенному европейцу кажется очевидным, поскольку напоминает его собственные банальные построения. Но хотя европеец с легкостью может счесть эти божества проекциями, он совершенно не способен одновременно говорить об их реальности. «Книга мертвых» делает именно это, благодаря важнейшим своим метафизическим предпосылкам, чего не может просвещенный и

непросвещенный европеец. «Книга мертвых» исходит из неявного допущения антиномичности любых метафизических утверждений, а также из идеи качественного своеобразия разных уровней сознания и обусловленных ими метафизических реальностей. В основу этой удивительной книги положено не скудное европейское «или – или», а величественное и утверждающее «и – и». Эта формула может показаться западному сознанию спорной, поскольку Запад предпочитает ясность и недвусмысленность, что позволяет одному мыслителю рьяно признавать существование Бога, а другому с меньшей категоричностью его отрицать. Интересно, как отнеслись бы эти враждующие собратья к следующему высказыванию: «Осознав, что пустота твоего разума есть состояние Будды, и рассматривая ее как свое собственное сознание, ты достигнешь состояния Божественного Разума Будды»?

Боюсь, что такого рода высказывания совершенно неприемлемы ни для философии, ни для богословия Запада. «Книга мертвых» в высшей степени психологична, в то время как наша философия и богословие до сих пор пребывают на средневековом, допсихологическом уровне, на котором позволяет выслушивать, объяснять, защищать, критиковать и обсуждать только отдельные высказывания, но не лежащие в их основе догмы, выносящиеся за пределы всякого обсуждения.

Вместе с тем понятно, что любые метафизические утверждения – это высказывания души, и следовательно – психологические высказывания. Европейскому сознанию, компенсирующему свое знаменитое чувство ущемленности рабской привязанностью к «рациональным» объяснениям, эта очевидная истина кажется или слишком очевидной, или недопустимым отрицанием метафизической «истины». Всякий раз, когда европеец слышит слово «психологиче-

ский», он воспринимает его как «только психологический». «Душа» кажется ему чем-то ничтожно малым, недостойным внимания, субъективным, сугубо личным и т. д. и т. п., поэтому он предпочитает слово «разум» и любое свое суждение – сколь бы субъективным оно ни было – склонен относить на счет «разума», подразумевая при этом «Универсальный Разум» и даже «Абсолют». Вероятно, эта удивительная самонадеянность служит для униженной «души» своеобразной компенсацией. А. Франс верно уловил суть западной цивилизации словами Екатерины Александрийской из «Острова пингвинов», которая советует Богу: «Дай им душу, только крошечную!»

Именно душа, наделенная божественной творческой энергией, делает метафизические утверждения и устанавливает различия между метафизическими понятиями. Душа – не только условие метафизической реальности, но и сама реальность.

С этой глубокой психологической истины и начинается «Книга мертвых». Она – не описание погребального обряда, а система наставлений для умершего, путеводитель по области *Бардо* с ее меняющимися видениями, среди которых душа пребывает в течение 49 дней с момента смерти человека до его нового рождения. Если читатели «Книги мертвых» будут исходить из вневременности души – что на Востоке считается самоочевидным, – они смогут без труда поставить себя на место умершего и внимательно прислушаться к поучениям, с которых начинается книга и представление о которых дает приведенная выше цитата. И тогда ничуть не самонадеянно, но смиренно прозвучат слова: «О благороднорожденный, слушай! Сейчас ты созерцаешь Сияние Чистого Света Совершенной Реальности. Познай его. О благороднорожденный, твой разум пуст, он лишен формы, свойств, признаков, цвета; он пуст – это сама Реальность,

Всеблагодать. Твой разум пуст, но это не пустота Небытия, а разум как таковой – свободный, сияющий, трепещущий, блаженный; это само Сознание, Всеблагот Бутда».

Осознание этого – есть состояние абсолютной просветленности, Дхарма-Кайя; или, прибегая к знакомому нам языку, творческая основа всех метафизических рассуждений – само сознание, незримое, неуловимое проявление души. «Пустота» – есть состояние за пределами каких бы то ни было суждений или утверждений, однако вся полнота ее многообразных проявлений скрытно пребывает в душе.

Далее в «Книге мертвых» говорится: «Твое сознание, сияющее, пустое, неотделимо от Великого Источника Света: оно не рождается и не умирает, оно – Немеркнущий Свет, Бутда Амитаба».

Душа (или индивидуальное сознание) не только не ничтожна, но она и есть Сияющее Божество. Запад или считает такое заявление опасным (а то и просто богохульным), или бездумно принимает его, страдая впоследствии от теософской инфляции. В этом вопросе мы всегда умудряемся занять неверную позицию. Но если бы нам удалось преодолеть себя и избежать своей главной ошибки – постоянного желания что-то делать с вещами, находить им практическое применение, – возможно, тогда нам удалось бы усвоить тот важный урок, который дает «Книга мертвых» (или, по крайней мере, осознать ее величие): она открывает умирающему глубочайшую истину, согласно которой даже боги есть не что иное, как сияние и отражение нашей собственной души. Солнце на Востоке не меркнет, как померещилось бы христианину, у которого «похитили» Бога; напротив, человеческая душа оказывается светом Божества, а Божество – душой. Восток с большей легкостью принимает этот парадокс, чем, скажем, Ангел Силезский, психологичность которого обогнала даже наше время.

«Книга мертвых» говорит о первичности души, что крайне важно, ибо это единственное, в чем жизнь нас не убеждает. Наша жизнь настолько переполнена вещами, теснящими и подавляющими нас, что, окруженные ими как «данностями», мы не находим времени поразмыслить: кем же они «даны»? Умерший освобождается от мира «данностей»; цель поучений «Книги мертвых» – помочь его освобождению. Если при чтении книги нам удастся поставить себя на место умершего, нас ожидает не меньшая, чем его, награда: с первых же строк мы узнаем, что «податель» всего «данного» пребывает внутри нас. Эта истина, вопреки всей очевидности ее проявлений как в великом, так и в малом, нам неизвестна, хотя знать ее жизненно необходимо. Конечно, такое знание годится только созерцателям, жаждущим постичь смысл существования, гностикам по темпераменту, верящим в спасение через «познание жизни». Для того, чтобы увидеть мир как «данный» сущностью нашей души, необходим коренной переворот в мировоззрении, требующий немалых жертв. Представление о том, что все происходит «для меня», более непосредственно и впечатляюще (и потому более убедительно), нежели мысль о том, что все происходит «из меня». Действительно, животная природа человека не позволяет ему видеть в себе творца своих обстоятельств. Вот почему любые попытки такого рода становились предметом тайных посвящений, которые обычно достигали своего апогея в символической смерти посвящаемого, долженствующей указать на необратимый характер происшедшего изменения. Фактически наставления «Книги мертвых» служат умирающему напоминанием о его посвящении, о том, чему обучал его гуру, – эти наставления суть не что иное, как посвящение умершего в жизнь *Бардо*, равно как посвящение живущего означает приготовление к загробной жизни. Так, по крайней мере,

обстоит дело во всех тайных культах древних цивилизаций со времен египетских и элевсинских мистерий. Однако в посвящении живущего загробный мир – это не мир после смерти, а переворот в его взглядах и стремлениях, психологический загробный мир, или, прибегая к христианским понятиям, искупление мирских соблазнов и греха. Искупление – есть отвержение и избавление от неведения и мрака, движение к просветлению и освобождению, к победе и выходу за пределы всякой «данности».

Итак, «Книга мертвых» описывает процесс посвящения, цель которого – вернуть душе божественную сущность, утраченную ею с физическим рождением. Для восточной религиозной литературы характерно то, что учение неизменно излагается с самого главного, с основных принципов, которые у нас, как правило, появляются лишь в конце (так, Луций у Апулея обращается с молитвой к Гелиосу только в конце книги). В соответствии с этим, описанное в «Книге мертвых» посвящение представляет собой ряд ослабевающих пульсаций, завершающийся новым рождением. Единственная разновидность посвящения, которая известна в настоящее время на Западе, – это анализ бессознательного, осуществляемый врачом с психотерапевтическими целями. Такое проникновение в лежащие ниже уровня сознания слои – есть разновидность рациональной майевтики по Сократу: выявление психического содержания, в зародыше пребывающего в подсознании. Первоначально психотерапия была связана с психоанализом Фрейда и сосредоточивалась в основном на сексуальных фантазиях. В «Книге мертвых» этой области соответствует *Сидна*, последняя, низшая область, в которой умерший, не сумевший усвоить смысл поучений двух первых частей книги – «Чигаг Бардо» и «Ченид Бардо», – становится жертвой своих сексуальных фантазий и прельщается видениями соеди-

няющихся любовных пар. Наконец, одно из материнских чрев улавливает его и вновь рождает в этом мире. Как и следовало ожидать, в действие вступает эдипов комплекс. Если карма умершего такова, что он родится мальчиком, то он влюбится в свою будущую мать и возненавидит отца, и наоборот, будущая девочка почувствует влечение к тому, кто станет ее отцом, и отвращение к матери. Европейец проходит эту специфически фрейдистскую область, когда с помощью психоанализа извлекается на свет содержание его бессознательного, но он движется при этом в обратном направлении – от детских сексуальных фантазий к материнскому чреву. В кругах психоаналитиков была высказана гипотеза, что главная психическая травма обусловлена переживаниями в момент рождения; более того, психоанализ пытается восстановить воспоминания о внутриутробном периоде существования.

К несчастью, европейский ум достигает на этом своего предела. Можно, казалось бы, ожидать, что психоанализ Фрейда успешно проникнет в область так называемых внутриутробных переживаний и пойдет дальше; произойди это – и психоанализ покинул бы область *Сидна* и проник в низшие слои *Ченид*.

Однако, опираясь на современные биологические представления, это рискованное предприятие не может увенчаться успехом: основанной на нынешних научных предпосылках философской подготовки для этого явно недостаточно. Если бы путешествие все-таки удалось продолжить, это наверняка привело бы к постулату о предутробном существовании (т. е. о подлинном существовании в области *Бардо*) при условии, что удалось бы обнаружить какой-нибудь след этого существования. Как известно, далее чистых гипотез относительно внутриутробного опыта психоанализ не продвинулся; даже пресловутая «травма

рождения» обернулась обычным трюизмом вроде того, что «жизнь – это болезнь с неблагоприятным прогнозом, ибо исход ее всегда фатален».

Психоанализ Фрейда, по существу, не пошел дальше области *Сидпа*, т. е. не сумел отделить себя от сексуальных фантазий и прочих «несовместимых» тенденций, порождающих беспокойство и иные аффекты. Тем не менее фрейдизм предпринял первую на Западе попытку исследовать – хотя бы снизу, из сферы животного инстинкта, – ту область психики, которой в тантрическом ламаизме соответствует область *Сидпа*. Вполне понятный страх перед метафизикой помешал Фрейду проникнуть в сферу «окультурного». Согласно психологии «Сидпы Бардо», состояние *Сидпа* характеризуется мощным потоком *кармы*, уносящим умершего к «воротам материнского чрева». Из области *Сидпа* невозможно движение назад – она отрезана от области *Ченид* интенсивным стремлением вниз, в сферу животного инстинкта и нового рождения. Это значит, что всякий, кто проникает в область бессознательного на основе чисто биологических предпосылок, неизбежно застрянет в сфере инстинкта и, вновь и вновь выбрасываемый в мир физического существования, не сумеет ее покинуть. Именно поэтому фрейдизм остается в пределах негативной оценки бессознательного, исчерпываемой формулой «всего-навсего». Необходимо отметить, что подобное представление о душе – типично западное, только выраженное гораздо яснее, проще и безжалостнее, чем выражали его другие. Что касается «разума», то даже Макс Шелер с сожалением заметил, что его могущество, мягко говоря, сомнительно.

С помощью психоанализа рациональный западный дух вторгся в область, которую вполне допустимо назвать неврозом *Сидпы*, – и остановился здесь, удерживаемый догмой, согласно которой все психическое субъективно и

индивидуально. Но и это вторжение оказалось весьма полезным, так как позволило сделать новый шаг за пределы сознания. Благодаря ему становится понятно, что читать «Книгу мертвых» европеец должен от конца к началу. С помощью западной науки мы более или менее усвоили психологический характер «Сидпы Бардо», и теперь перед нами стоит задача усвоения предшествующего ему «Ченид Бардо».

Состояние *Ченид* – область «кармических видений» или иллюзий, проистекающих из психического остатка прежних существований. Согласно восточным представлениям, *карма* – это нечто вроде психической наследственности, основанной на гипотезе о перевоплощении (в крайней ее форме на гипотезе о вневременности души). Ни европейская наука, ни европейский разум эту гипотезу принять не могут. К тому же мы слишком мало знаем о посмертном существовании души и не понимаем, как вообще об этом можно что-либо утверждать. Более того, из эпистемологии нам известно, что такого рода утверждения столь же недоказательны, как и утверждения о существовании Бога. Таким образом, принимая концепцию *кармы*, мы предусмотрительно истолковываем ее как психическую наследственность (в самом широком смысле этого слова). Психическая наследственность действительно существует, поскольку наследуются такие психологические характеристики, как черты характера, творческие способности, предрасположенность к определенным болезням и т. п., причем психологическая сущность этих сложных явлений ничуть не страдает от того, что естественные науки сводят их к тем или иным физическим явлениям (ядерные структуры в клетках и т. д.). Среди наследуемых психологических характеристик имеется класс свойств, не зависящих ни от рода, ни от расы, к которым принадлежит индивидуум, –

универсальные характеристики сознания. Их следует понимать по аналогии с платоновскими формами (*eidola*), в соответствии с которыми сознание организует свое содержание. Можно описать эти формы как категории, аналогичные логическим категориям, этим основным предпосылкам разума. Однако «формы», которые имею в виду я, относятся не к разуму, а к воображению. Так как плоды воображения в принципе визуальны, их формы с самого начала должны характеризоваться как образы и более того – как типичные образы (вот почему, следуя Юл. Августину, я называю их «архетипами»). Сравнительная история религий и мифологий, психиатрия и психология сновидений открывают богатейшие залежи архетипов. Поразительное единообразие этих образов и выражаемых ими идей послужило почвой, питающей самые фантастические построения «теории бродячих сюжетов», – хотя естественнее было бы задуматься над удивительным сходством человеческих душ всех времен и народов. Фантазии, имеющие архетипическую структуру, возникают самопроизвольно и в любое время и в любом месте, даже если всякая возможность для их заимствования отсутствует. Исходные структурные компоненты души столь же поразительно единообразны, как части человеческого тела. Архетипы – это, так сказать, органы человеческой души, извечно наследуемые формы и идеи, которые сами по себе лишены определенного содержания, но обретают его в течение жизни человека, чей опыт заполняет эти формы. Если бы архетипы не существовали повсеместно и в одинаковом виде, то как объяснить, например, следующее совпадение: почти на каждой странице «Книги мертвых» говорится о том, что умершие не знают, что они мертвы, – и с этим же утверждением то и дело сталкиваешься в незрелой и смертельно скучной литературе европейского и американского спиритуализма?

Впрочем, это утверждение есть и у Сведенборга, но его труды не столь распространены, чтобы из них могли заимствовать буквально все провинциальные «медиумы». Что касается связи между Сведенборгом и «Тибетской Книгой мертвых», то она совершенно немыслима. Идея о том, что мертвые продолжают свое существование, не подозревая, что они бестелесные духи, эта изначальная, универсальная, архетипическая идея реализуется непосредственно и зрительно, когда кто-нибудь видит привидение. Примечательно, что во всех частях света привидения обладают рядом общих характерных черт. Конечно, мне известно не поддающееся проверке спиритуалистическое толкование этого явления, однако я не собираюсь вторить ему и вполне удовлетворен гипотезой об универсальной, но дифференцированной психической структуре, которая, передаваясь по наследству, формирует и направляет индивидуальный опыт. Подобно тому, как органы тела – не просто конгломераты инертной, пассивной материи, а динамические функциональные комплексы, настойчиво и властно заявляющие о своем существовании, так и органы психики – архетипы – это динамические подсознательные комплексы, в невероятной степени детерминирующие психическую жизнь. Вот почему я называю их *доминантами* бессознательного. Сфере бессознательного, состоящей из таких универсальных динамических структур, я присвоил название «коллективное бессознательное».

Насколько известно, индивидуальные воспоминания о внутриутробном и предутробном существовании не наследуются, но, вне всякого сомнения, существуют наследуемые архетипы, которые лишены всякого содержания, так как, прежде всего, не содержат личного опыта. Личный опыт проявляет их в сознании, делает видимыми. Как уже было указано, психология *Сидны* характеризуется желани-

ем жить и быть рожденным («Сидпа Бардо» значит «Бардо Стремления к Новому Рождению»). Следовательно, это состояние препятствует опыту сверхличной психической реальности, если, конечно, индивид не сумеет решительно отказаться от нового рождения в мире. Согласно учению «Книги мертвых», в любом из состояний *Бардо* индивид имеет возможность достичь Дхарма-Кайи, преодолев четыре склона горы Меру, при условии, что его не собьет с пути «тусклый свет»... Говоря другими словами, умерший должен отчаянно сопротивляться велениям разума – как мы его понимаем – и избавиться от господства своего «я», которое разум считает сакральным. На практике это означает полное подчинение объективным психическим силам со всеми вытекающими отсюда последствиями, своего рода символическую смерть, которая соответствует в «Сидпе Бардо» Страшному суду. Такая смерть символизирует конец сознательного, рационального, морально ответственного существования и добровольное подчинение тому, что в «Книге мертвых» называется «кармическими видениями». «Кармические видения» порождаются верой в фантастический, крайне иррациональный мир, который не выводится из разума и не согласуется с ним, а является плодом свободного воображения. Любой здравомыслящий человек предостережет нас, что все это явная фантазия или бред, и действительно, трудно с первого взгляда отличить такого рода видения от фантасмагорий сумасшедшего. Нередко самого незначительного ослабления умственных способностей достаточно, чтобы породить этот иллюзорный мир. Мрак и ужас, которые царят в нем, сходны с переживаниями, описанными в начале «Сидпы Бардо». Однако содержание этого *Бардо* обнаруживает архетипы – кармические видения, появляющиеся в устрашающем облике. Состояние *Чендид* подобно искусственно вызванному психозу.

Мы часто читаем и слышим об опасностях, связанных с *йогой* – особенно с Кундалини-йогой. Умышленно вызванное психопатическое состояние может легко перейти у человека с неустойчивой психикой в подлинный психоз – и к этому следует относиться со всей серьезностью. Подобные вещи очень опасны и не терпят нашего западного подхода: здесь начинается игра с судьбой, способная потрясти основы человеческого существования и вызвать такой поток страданий, о котором обычный человек даже не подозревает. Эти страдания, соответствующие адским мукам области *Ченид*, описаны в «Книге мертвых» так: «И тогда один из Палачей-Мучителей Бога Смерти набросит тебе на шею петлю и повлечет за собою. Он отсечет тебе голову, вывернет сердце, вывернет чрево, высосет мозг, выпьет кровь; он пожрет твою плоть и изложет кости, но ты не сможешь умереть. Хотя тело твое будет разорвано на мелкие части, оно оживет вновь. И так будет повторяться снова и снова, причиняя тебе ужасную боль и муку».

Этими мучениями удачно описывается реальный смысл опасности – расчленения целостного тела *Бардо*, представляющего собой нечто вроде «тонкой материи», которая образует оболочку психического «я» после смерти. Психологический эквивалент такого расчленения – явление диссоциации и ее крайняя форма шизофрения (расщепление личности). Это самое распространенное психическое заболевание связано, по сути дела, с упомянутым ослаблением умственных способностей, благодаря которому исчезает контроль со стороны сознания и открывается неограниченный простор для деятельности подсознательных «доминант».

Таким образом, переход из состояния *Сидпы* в состояние *Ченид* характеризуется опасным изменением целей и намерений сознания, отказом от устойчивого «я» и подчи-

нением крайней неопределенности, воплощенной в хаосе форм. Фрейд продемонстрировал глубочайшую интуицию, назвав его «средоточием тревоги». Страх пожертвовать собой скрывается в глубине каждого «я» и нередко свидетельствует о слабо сдерживаемых силах подсознания, готовых вырваться на свободу. Никто из стремящихся к обретению самости не избавлен от этой опасности, поскольку то, что вызывает страх, также принадлежит самости: это подсознательная или надсознательная область психических «доминант», от которых «я» с огромным трудом, но лишь частично эмансипировалось ради достижения в той или иной степени иллюзорной свободы. Безусловно, такая эмансипация необходима и даже героична, но ровно ничего не решает: она лишь создает субъекта, вынужденного во имя самоутверждения противопоставлять себя объекту. Даже поверхностный взгляд обнаруживает, что Запад переполнен проектами по достижению этой цели. В мире объектов мы ищем и находим трудности, препятствия и врагов: мы охотно помещаем добро и зло в видимые предметы, чтобы удобнее было побеждать, наказывать и уничтожать зло и наслаждаться добром. Но сама природа не позволяет длиться этому состоянию райской невинности вечно. Всегда находятся люди, которые открывают, что мир объектов (и связанный с ним опыт) по сути своей символичен и отражает лишь то, что пребывает в самом субъекте, в его собственной сверхсубъективной реальности. Эта глубочайшая интуиция, согласующаяся с ламаистским учением, помогает нам понять истинный смысл состояния *Ченид* («Ченид Бардо» значит «Область Постижения Реальности»).

Согласно «Ченид Бардо», реальность, характеризующая состояние *Ченид*, – это реальность сознания. «Мысли» предстают здесь как нечто реальное, фантазия обретает зримые формы, перед умершим проходят жуткие видения,

порожденные его кармой и направляемые «доминантами» бессознательного. Первым среди них (если читать книгу с конца) появляется всесокрушающий Бог Смерти – воплощение всех ужасов; за ним следуют 28 «злосильных» и 58 «кровожадных» божеств и богинь. Несмотря на свой демонический облик и хаотическую смесь чудовищных атрибутов, все они подчиняются определенному порядку. Божества образуют группы, в которых располагаются по четырем направлениям и различаются символическими цветами. Постепенно обнаруживается, что божества организованы в *мандалы*, или круги с четырехцветным крестом внутри. Четыре цвета соответствуют следующим четырем аспектам мудрости:

Белый – путь мудрости, подобной зеркалу,

Желтый – путь мудрости равенства,

Красный – путь мудрости различия,

Зеленый – путь мудрости свершения.

На высшем интуитивном уровне умерший знает, что все «мысли» исходят из него и что четыре пути мудрости – есть эманация его собственных психических способностей. Эта идея приводит нас к психологии *ламаистской мандалы*, которую я уже обсуждал в изданной совместно с Рихардом Вильгельмом «Тайне Золотого Цветка».

Продолжая движение в области *Ченид*, мы достигаем, наконец, сферы, где перед нами предстают Четверо Великих: Зеленый Амога-Сидхи, Красный Амитаба, Желтый Ратна-Самбава и Белый Ваджра-Сатва. Завершается восхождение голубым сиянием тела Будды Дхарма-Дату, исходящим из центра мандалы или сердца Вайрочаны. После этого «кармические видения» прекращаются: сознание, освобождаясь от привязанности к формам и объектам, воз-

вращается во вневременную, изначальную область *Дхарма-Кайи*. Таким образом, читая «Книгу мертвых» с конца, мы достигаем состояния *Чигай*, наступающего в момент смерти.

Думаю, приведенных мной разъяснений достаточно для того, чтобы внимательный читатель получил представление о психологии «Книги мертвых». Книга описывает – в обратном порядке – обряд посвящения, который, в противовес эсхатологическим чаяниям христиан, подготавливает душу к нисхождению в мир физического существования. Имея в виду крайне рационалистическую и мирскую направленность европейского сознания, целесообразно читать «Книгу мертвых» с конца и рассматривать ее как описание восточного посвящения, хотя каждый волен заменить божеств «Ченид Бардо» христианскими символами. В любом случае приведенная мной последовательность событий аналогична феноменологии европейского подсознания, подвергшегося «обряду посвящения» (иными словами, психоанализу). Происходящая в ходе психоанализа трансформация подсознания позволяет соотнести его с религиозными обрядами посвящения, хотя последние принципиально отличаются от психоанализа тем, что предвосхищают естественный ход событий и заменяют самопроизвольно возникающие символы тщательно отобранной системой символов. (Таковы «Упражнения» Игнатия Лойолы или йогическая медитация буддистов и тантристов.)

Изменение порядка чтения, предложенное мной для облегчения понимания «Книги мертвых», никоим образом не соответствует ее подлинному замыслу. Точно так же использование книги в психологических целях – не более как побочная возможность, допускаемая, впрочем, ламаистской традицией. Подлинная цель этой необычной книги (сколь бы странной ни казалась она современному образованному

европейцу) – дать умершему сведения о его путешествии по областям *Бардо*. В западном мире только католическая церковь оказывает хоть какую-то помощь душам умерших. Что касается протестантов с их жизнеутверждающим оптимизмом, то у них имеется лишь несколько «Обществ спасения», члены которых убеждают умерших в том, что те мертвы. В целом, на Западе нет ничего, что можно было бы сравнить с «Книгой мертвых» (за исключением нескольких эзотерических сочинений, не доступных ни широкой публике, ни рядовым ученым). Предание относит «Книгу мертвых» к числу «сокровенных» книг, в которых описан специфический способ магического «исцеления души» после смерти. С рациональной точки зрения культ мертвых основан на вере во вневременное существование души, но его иррациональную основу следует искать в психологической потребности живых что-нибудь сделать для умерших. Эта потребность проявляется даже у «просвещенных» людей, переживших смерть близких или друзей, благодаря чему – независимо от степени нашей «просвещенности» – на Западе сохранились обряды, связанные с мертвыми (вспомним хотя бы мавзолей). Но, не считая католических заупокойных месс, эти обряды проводятся на очень низком уровне – и не потому, что мы не способны убедить себя в бессмертии души, а потому, что крайне рационализировали указанную психологическую потребность. Мы ведем себя так, словно ее вообще нет, и, независимо от своей веры в загробную жизнь, ничего для умерших не делаем. Уровень католических заупокойных месс достаточно высок, ибо они направлены на психическое благополучие умерших, а не на слезливую сентиментальность живых, но и они не сравнимы с высочайшим духовным напряжением, запечатленным в «Книге мертвых». Ее наставления столь подробны и столь приспособлены к малейшим изменениям в состоянии умер-

шего, что каждый серьезный читатель вправе задать себе вопрос: «А что, если мудрые ламы и в самом деле заглянули за пределы трех измерений и сорвали завесу с величайшей из тайн?»

Возможно, удел истины – приносить людям разочарование, но, читая «Книгу мертвых», буквально ощущаешь ее достоверность. Как неожиданно обнаружить загробное существование (относительно которого наше религиозное сознание сформировало самые величественные представления) окрашенным в мрачные тона кошмаров! Истинное просветление умерший испытывает не в конце *Бардо*, а в его начале, в момент смерти, после чего начинается погружение в область иллюзий и неведения, постепенная деградация, завершающаяся новым рождением в физическом мире. Духовная вершина достигается человеком в момент завершения жизни: следовательно, жизнь – есть средство для достижения высшего совершенства; именно она порождает карму, открывающую умершему возможность обрести извечный свет Пустоты, остановиться в центре колеса рождений, освободиться от иллюзий возникновения и разрушения. Пребывание в *Бардо* не связано ни с вечным блаженством, ни с вечными муками: это нисхождение в очередную жизнь, которая приближает человека к его конечной цели, высочайшему завершению его трудов и стремлений в период земной жизни. Трудно не признать возвышенный и героический характер этой точки зрения.

Нисхождение в области *Бардо* подтверждается западной спиритуалистической литературой, производящей, впрочем, отвратительное впечатление своими банальными и бессодержательными сведениями «из мира духов». Научная мысль без колебания истолковывает эти сведения как эманацию подсознания «медиумов» и распространяет такое толкование и на «Тибетскую Книгу мертвых». Дей-

Сутра — рассуждение Будды о медитации и философии.

Тантра — трактат, посвященный той или иной духовной практике, связанной с преобразованием энергии; также — сам метод практики. Собственно «тантрами» называют только главные, основополагающие тексты такого рода, однако существует множество близких им трудов, которые также можно назвать тантрическими, и «Бардо Тхедол» относится к их числу.

Татхагата — то же, что и будда, но чаще всего эти термином обозначают пятерых будд самбхогакайи. (См. «Введение», [стр. XVIII оригинала].)

Херука — принцип мужской энергии в гневной форме. (См. «Комментарий», [сс. 24–26 оригинала]).

Тираж 100 экз.